ОДИ, стратегия и политический субъект беларусской эмиграции

В.Мацкевич

28.08.2026

***

В начале мая, после проведения организационно-деятельностной Игры, я собирался подготовить отчёт о ней для широкой публикации через 2-2,5 месяца. Прошло уже почти четыре, а мне всё ещё очень трудно это сделать.

Есть несколько причин, из-за которых я так задержал и рефлексию Игры, и написание отчёта. Первая из них состоит в том, что мне очень не хотелось и до сих пор не хочется – публиковать то, что я понял на этой Игре и с чем из неё вышел. У меня есть привилегия, которой нет у очень многих, мне не приходится делать ФДП, то есть фиктивно-демонстративный продукт. Я могу не писать бессодержательный отчёт о проделанной работе, в котором потраченные ресурсы и затраченные усилия выдаются за результат, как это бывает, когда осваиваются гранты. Этим текстом я отвечаю на ожидания, сформировавшиеся вокруг Игры – одного из двух главных общественно-политических событий 2026 года.

Меня смущала и напрягала реакция на Игру, которая появилась в первые дни мая, сразу после её окончания. Практически все участники, которые публично высказывались о произошедшем, оценивали Игру положительно – в той или иной степени. Некоторые отзывы были восторженными, некоторые довольно сдержанными, но в целом реакция была несомненно позитивной.

И на этом фоне мне казалось, что я едва ли не единственный из участников, кто относится к результатам Игры скорее негативно – как к тому, что произошло на ней, так и к тому, что из нее можно вынести для дальнейшей деятельности. И только отчасти это отношение определялось моей особенной позицией в Игре как организатора и руководителя.

***

Было, конечно, и немало негативных высказываний о том, что происходило на Игре. Но все эти негативные реакции исходили от людей, которые в Игре не участвовали.

В основном это были нападки на СМД-методологию, в рамках которой – и на основе которой – проводятся организационно-деятельностные игры. Критиковали расходы, дороговизну проведения игры, какие-то сопутствующие обстоятельства. То есть главным образом вещи, прямо не связанные ни с тем, что происходило внутри самой Игры, ни с содержанием, которое на ней было наработано, ни с теми задачами и целями, которые перед Игрой ставились.

И, пожалуй, именно с этого я и начну: с того, какие задачи и цели были поставлены перед Игрой.

***

Главной целью Игры декларировалась разработка общей стратегии для политических сил беларусской эмиграции и той части гражданского общества, которая также оказалась в эмиграции.

В качестве дополнительной, служебной или промежуточной цели ставилась задача собрать в одном месте и на достаточно продолжительное время основных участников политической и общественной жизни Беларуси, чтобы они могли не просто встретиться, представить себя друг другу и продемонстрировать собственные позиции, но и совместно поработать по определённой программе.

Программа упакована в структуру самой Игры. Работа начиналась с самоопределения участников и анализа ситуации, сложившейся в стране и в эмиграции, – причём анализа именно из тех позиций, в которых участники игры самоопределялись.

Следующим шагом было определение назначения, функций, целей и миссий основных агентов и акторов, которые предпринимают те или иные действия и усилия в политике и общественной жизни.

После определения назначения, функций и миссий участвующих в Игре субъектов и агентов должна была следовать проблематизация: выявление того, что мешает достижению как общих целей, так и целей каждого из участников.

После проблематизации, постановки и формулировки проблем предполагался поиск решений – способов, с помощью которых выявленные проблемы можно разрешить, обойти или ещё каким-либо образом устранить.

***

Ещё только задумывая Игру и организуя подготовку к ней, я говорил, что в 2026 году в беларусской эмиграции произойдут два важнейших события, так или иначе связанных между собой и влияющих одно на другое. Это выборы в Координационный совет в мае 2026 года и организационно-деятельностная Игра.

Я утверждал, что именно эти два события во многом определят то, что будет происходить с беларусской эмиграцией, её политическими и гражданскими структурами в ближайшей обозримой перспективе.

При этом я предупреждал – и даже настаивал на этом, – что если мы проиграем Игру, если она окажется неудачной, то беларусскую эмиграцию в лице её политических структур и всех существующих сегодня организованностей уже к концу этого года ждёт достаточно печальное будущее.

И, соответственно, если мы провалим выборы в Координационный совет и не сумеем сформировать работоспособный представительный орган беларусской эмиграции, то лишимся единственного легитимного субъекта, представляющего интересы беларусского общества – и, в первую очередь, конечно, той его части, что оказалась в эмиграции.

***

В начале 2026 года, за несколько месяцев до Игры и выборов в Координационный совет, обнаружились две основные, принципиальные проблемы, которые я видел и с которыми необходимо было каким-то образом работать – либо разрешить их, либо найти способы их обойти.

Я всегда говорил, что Игра, особенно такая большая, занимает не только те дни, когда весь игровой коллектив выезжает в одно место для совместной работы. В нашем случае Игра – это не 5 дней. Это несколько месяцев, значительная часть которых уходит на подготовку.

Игра начинается с момента её объявления и начала подготовки. И заканчивается она не тогда, когда участники разъезжаются, а полноценной рефлексией того, что на ней происходило, и той работы, которая была проделана.

Поэтому и проблемы, которые затем определяют содержание и формы работы на самой Игре, начинают проявляться буквально с момента её объявления. В процессе подготовки конфигурация этих проблем меняется: одни выходят на первый план, другие отодвигаются или вообще перестают быть актуальными.

Первая проблема, с которой я столкнулся уже в процессе организации игры, – это проблема заказчика.

Первым и главным заказчиком мне виделся Офис Светланы Тихановской как единственный орган, обеспечивающий хотя бы символическое представительство беларусского общества в лице Светланы Тихановской. Именно Офису я первым направил предложение и вплоть до начала Игры считал его основным заказчиком.

***

Кроме самой Светланы Тихановской и её Офиса я хотел вовлечь в позицию коллективного заказчика и другие активные группы и структуры, а также отдельных людей.

Предложение – оферта по Игре – было разослано примерно четырём десяткам адресатов. От многих – практически от всех – я так или иначе получил ответы на свои вопросы: об основных целях политической и гражданской жизни, о проблемах, с которыми сталкиваются субъекты и акторы в политике и гражданском обществе, а также о возможных способах разрешения этих проблем и дальнейшем движении.

Уже на этом этапе меня начало напрягать то, что в полной мере я смог понять только значительно позже. В процессе подготовки к игре, а затем и на самой Игре, это понимание ещё не оформлялось в рационально выраженную мысль. Скорее, оно проявлялось как напряжение, сомнение, ощущение какой-то неправильности происходящего.

***

Именно эти сомнения и ощущения стали главным тормозом в подготовке отчёта по Игре, вместо которого я пишу этот текст.

Мне очень хотелось, чтобы мои ощущения оказались несправедливыми, а сомнения развеялись либо в ходе самой Игры, либо благодаря тем событиям, которые последуют после неё.

Но сейчас, когда после Игры прошло уже почти 4 месяца, а после выборов в Координационный совет – больше 3, эти сомнения скорее получили подтверждение.

Что касается ощущений, то их я всё ещё пытаюсь оформить и рационализировать, перевести в такую форму, в которой они могли бы быть высказаны и обоснованы, и при этом не выглядели бы проявлением полного нигилизма и пессимизма.

***

Иногда мне хочется сформулировать итог этих сомнений и ощущений предельно категорично, просто и коротко. Он мог бы звучать так: **мы лжём**.

Лжём сами себе. Лжём другим. Лжём о себе – о том, что мы делаем, что мы можем и чего мы хотим.

***

Именно с этим ощущением тотальной лжи я и вышел из Игры. Или, точнее, за 5 дней Игры я только укрепился в нём.

Мне очень не хотелось – и, пожалуй, я даже боялся – признаться самому себе, что это действительно так. Но при этом я не мог найти аргументов, которые позволили бы мне это ощущение опровергнуть: ни в материалах самой Игры, ни в высказываниях её участников, звучавших после её окончания, ни в последующих событиях, которые можно было наблюдать на протяжении мая 2026 года и всего прошедшего лета.

***

Это категоричное суждение – «мы лжём» – само по себе совершенно бессодержательно. Оно основано прежде всего на тех ощущениях, которые можно было вынести из суждений, деклараций, споров и конфликтов, разворачивавшихся на Игре.

При этом на Игре звучали и утверждения, которые я не стал бы квалифицировать как ложь. Скорее наоборот: в них вещи назывались своими именами. Но и такие утверждения легко воспринимаются как субъективные мнения или эмоциональные реакции тех, кто их произносит, особенно когда они возникают в пылу горячего спора, в полемике или в ходе резкой оценки тех или иных действий.

Я имею в виду прежде всего заявления о том, что у нас нет политиков, и что в эмиграции – в том положении, в котором мы все оказались – политикой заниматься невозможно.

***

Такого рода заявления время от времени звучали от многих активных участников беларусской эмиграции задолго до Игры. И всё же к моменту выезда на Игру большинство участников – практически все – исходили из убеждения, что в беларусской эмиграции существуют политики и политические структуры. Более того, некоторые участники игры относили к этой позиции и самих себя.

Они приехали на Игру и приступили к работе, предполагая, что являются политиками и действуют в политике.

Наверное, первым из тех, кто прямо отказался от этого убеждения, был Александр Кныровичь. После своего доклада на пленарном заседании – доклада, заявленного и воспринимавшегося как политический, – на следующий день он встал и сказал, что убедился: он не политик. Уже после Игры, по моему наблюдению, Мария Колесникова дистанцировалась от псевдополитической активности, а Виктор Бабарико сделал то же самое, обосновал и прокомментировал своё устранение из политики в интервью Радио Свобода.

***

К аналогичному выводу приходили ещё несколько участников игры, хотя далеко не все озвучивали его публично.

Но для меня важно не это субъективное и ситуативное понимание отдельных участников.Важно другое. Если нет политиков – то есть реально существующих акторов и агентов, занимающих политическую позицию, – то у Игры не может быть и реального заказчика.

И в этом смысле первая проблема Игры, обнаружившаяся ещё задолго до начала её активной фазы, состояла именно в том, что **у Игры не было заказчика**.

В какой-то мере я, как инициатор Игры, мог бы считать заказчиком самого себя. Но моя ошибка состояла в другом: я делал вид, что заказчик у Игры есть.

Не все игры состоят в проигрывании каких-то отношений и ситуаций по ролям; или в режиме, когда действие, поступок или игровой ход можно отменить и всё переиграть. Нельзя в футболе забить гол понарошку, или симулировать нокаут в боксе. В реальной ситуации встречаются симуляции деятельности, когда создаётся видимость работы. В такой “работе” не приходится ожидать результата или продукта. В ОДИ проигрываются реальные ситуации именно для того, чтобы выявить возможные симуляции в реальности, где не сразу возможно отличить имитацию бурной деятельности от продуктивной работы.

***

И в этом смысле я сам – как инициатор, организатор и руководитель Игры – участвовал в той лжи, которая распространена в нашем эмигрантском сообществе. Хотя, конечно, эту проблему можно трактовать гораздо шире: она касается далеко не только эмиграции.

Задолго до 2020 года при описании беларусской ситуации я пользовался категорией “И.О.” – “исполняющий обязанности”. Так я называл Лукашенко – И.О. президента – поскольку то, что он делает, не соответствует функциям и действиям, которые требуются от того, кто занимает позицию президента. Но эта категория применима и к другим позициям. Так у нас не было политических партий, но были И.О. партий. Во многих позиции в политике – и не только – деятельность симулируется Исполняющими Обязанности понарошку.

И Офис Светланы Тихановской, и отдельные люди и организации, отвечавшие на мою оферту о проведении Игры, говорили о своём видении будущей стратегии, о стоящих перед нами проблемах, о своей позиции. Но фактически все мы в той или иной мере выдавали желаемое за действительное.

Вместо реального заказа на стратегию мы обсуждали нечто иное.

На Игру, соответственно, был вынесен не заказ на стратегию. Потому что стратегия может быть нужна только тому, кто способен действовать стратегически, – политическому субъекту. А такого субъекта не было. Была, если угодно, пустая позиция политического субъекта.

И если субъекта нет, то ему не нужна и стратегия.

***

2 мая, когда Игра закончилась, было уже, в общем, очевидно, что объявленная цель – разработка общей стратегии – не достигнута.

Но из этого вовсе не следовало, что материалы, наработанные в ходе Игры, не позволяют такую стратегию построить, или что их для этого недостаточно.

Я понимал, что материалы Игры вполне достаточны для того, чтобы дать реалистичный и достаточно исчерпывающий анализ ситуации и в беларусской эмиграции, и в беларусском обществе в целом. Так или иначе, в ходе Игры прозвучали и были предъявлены практически все основные проблемы, которые необходимо решать или преодолевать, если мы вообще хотим говорить о будущем.

То есть материал, необходимый для построения стратегии, был собран и предъявлен.

Стратегия не существует сама по себе. Она является способом организации деятельности определённого субъекта в отношении ситуации, которую он намерен изменить. Если нет субъекта, способного поставить цель, мобилизовать ресурсы, принимать решения и отвечать за их реализацию, то вместо стратегии остаётся только набор пожеланий, прогнозов и рекомендаций. Политический субъект должен связывать цели, ресурсы, противников, союзников, последовательность действий, механизм принятия решений и ответственность за результат.

***

Я мог понять это уже на общей рефлексии, которая проводится в последний день Игры. В сущности, я тогда это и понимал.

Но мне очень не хотелось принимать такой результат. Поэтому я сохранял надежду на то, что после Игры между наиболее эффективными и влиятельными её участниками возникнут какие-то альянсы, которые со временем смогут оформиться в политического субъекта.

И тогда для этого субъекта можно было бы, опираясь на материалы и разработки Игры, составить стратегический план или стратегическую программу.

К сожалению, эта надежда не оправдалась.

***

Моё затруднение сразу после Игры – в подготовке отчёта и вообще в оформлении её итогов – состояло именно в этом.

При трезвом и здравом отношении к тому, что произошло, я должен был бы сразу сказать: стратегия не разработана, заявленная цель Игры не достигнута и в тех условиях, которые сложились, достигнута быть не может.

Но оставалась надежда, что продолжающаяся после Игры рефлексия и те процессы, которые на самой игре назывались “навстречностью” – навстречным движением различных участников друг к другу, – могут в дальнейшей работе привести к появлению субъекта, для которого мы уже сможем выстроить стратегию на основании материалов Игры.

Мне приходилось ждать – или, точнее, я согласился ждать, не вмешиваясь – результатов этой наметившейся навстречности.

Теперь, по прошествии почти 4 месяцев, я могу сказать: и эти надежды не оправдались. Они оказались бесплодными.

***

Ещё до Игры всё необходимое для понимания сложившейся ситуации и её оценки уже было в наличии.

Зимой, в начале 2026 года, было понятно, что выборы в Координационный совет не подготовлены. Если мы действительно хотели получить реальные выборы и в результате – полноценный, работающий представительный орган в лице Координационного совета, выборы необходимо было переносить, а подготовку к ним организовывать иначе: интенсифицировать её, сделать содержательной и эффективной.

Если бы моё предложение о переносе выборов на осень 2026 года было принято, тогда программу подготовки к выборам и формированию Координационного совета можно было бы сделать одной из основных – а возможно, и главной – тем Игры.

Но поскольку дата выборов в Координационный совет была назначена на середину мая, то есть, через две недели после окончания Игры, эта задача к моменту её проведения фактически потеряла актуальность: времени на содержательную перестройку подготовки уже не оставалось.

И всё же у меня сохранялась надежда. Несмотря на то, что я видел, насколько плохо подготовлены выборы, и понимал, что они, скорее всего, провалятся, я продолжал держаться за иллюзию: а вдруг мои аналитические выводы неверны, вдруг ситуация сложится иначе, вдруг ещё что-то удастся сделать – или просто что-то получится.

***

Мои надежды никак не были обоснованы теми аналитическими данными и выводами, которые можно было сделать задолго до Игры и которые, в принципе, я сам уже тогда сделал.

Поэтому эта надежда определялась не наличием необходимых условий, факторов, материала, людей, знаний и так далее, а прежде всего моим очень сильным желанием участвовать в процессе перемен в Беларуси. И примерно такое же желание, как мне кажется, двигало большинством участников игры.

В этом смысле я не могу упрекнуть никого из них в сознательной лжи или в том, что эта ложь продиктована какими-то предосудительными, неблаговидными интересами. Речь скорее идёт о самообмане.

Так же, как я сам обманывался в своих надеждах, одновременно понимая, что для этих надежд практически нет оснований – примерно так же я теперь понимаю и то, что говорили и делали участники Игры. Им было необходимо придать всему тому, чем они занимаются, более высокий и общий смысл.

При этом никто из них не занимается чем-то заведомо деструктивным или ненужным. Каждый делает то, что умеет и может делать. И вся эта деятельность так или иначе необходима и полезна. Но её необходимость и полезность относятся к локальным, частным аспектам общей ситуации.

Это помощь политзаключённым. Это помощь людям, которые испытывают трудности с интеграцией в общества тех стран, куда их занесла эмиграция. Это взаимодействие с

европейскими и американскими политическими структурами. Это исследования, культура и множество других направлений работы. Все эти области деятельности совершенно необходимы.

Но из этого вовсе не следует, что такая деятельность как-то влияет на трансформацию Беларуси или запускает преобразования внутри страны.

Если в этом отношении что-то и происходит, если ситуация действительно куда-то сдвигается, то пока это происходит под воздействием каких-то иных, внешних сил, а не благодаря совокупности усилий тех, кто делает своё хорошее и нужное дело в беларусской эмиграции.

Именно поэтому мне теперь приходится разбирать сложившуюся ситуацию и результаты самой Игры по нескольким составляющим, рассматривая их по отдельности, чтобы затем попытаться сложить из них общую картину.

В первую очередь необходимо объяснить, каким образом 2 формально автономных события – организационно-деятельностная Игра по разработке общей стратегии и выборы в Координационный совет с последующим формированием его нового состава – связаны между собой и каким образом они влияют друг на друга.

Затем необходимо разобраться, почему, руководствуясь благими намерениями и зачастую вполне хорошо выполняя свою работу, практически ни одна из структур, ни один из акторов и субъектов, участвовавших в Игре, не выходит на стратегическую позицию, не занимает политической позиции и в этом смысле не становится субъектом политики.

И, наконец, необходимо понять, почему вся совокупность хороших, правильных и необходимых дел, которыми занимаются не только участники Игры, но и множество других подобных структур в беларусской эмиграции, сама по себе не позволяет рассчитывать на успех в деле трансформации Беларуси.

***

Позиция представительства диаспоры – или, точнее, нескольких диаспор и всей беларусской эмиграции – возникает с необходимостью. Сама ситуация создаёт потребность в таком месте. Поэтому сначала рассмотрим его именно как вакантную позицию и зададим вопрос: кто мог бы претендовать на то, чтобы её занять?

В 2020 году, когда началась массовая эмиграция, первым кандидатом на эту позицию могла быть Светлана Тихановская – кандидат, победивший на президентских выборах и в результате фальсификаций и репрессий вынужденный покинуть страну.

Вторым кандидатом мог быть Координационный совет – орган, созданный ещё в августе 2020 года в ситуации массовой протестной активности. Однако в силу того, каким образом тогда был сформирован Координационный совет, он не стал ни управляющим, ни собственно политическим органом. Это была скорее аморфная и неопределённая дискуссионная или коммуникативная площадка. Поэтому даже оказавшиеся в эмиграции члены Президиума Координационного совета и значительная часть самого Совета в принципе не были готовы занять открывшуюся вакантную позицию представительства.

В результате практически безальтернативным кандидатом на занятие этой позиции оказалась Светлана Тихановская. Вокруг неё начал формироваться небольшой круг людей – то, что затем получило название Офиса Светланы Тихановской.

Здесь необходимо отдельно разобрать, каким образом формировался этот круг, или этот Офис.

На первых порах он формировался по самому простому принципу: кто первым пришёл, тот и занял соответствующее место. Так появились первые люди, которые начали обеспечивать деятельность Светланы Тихановской как легитимного представителя беларусской эмиграции. Никакого специального отбора, выборов или делегирования на позиции внутри этого Офиса первоначально не происходило.

Но поскольку возникшая с необходимостью позиция практически сразу оказалась занята определённым человеком и его окружением, для полноценного функционирования этой позиции потребовались ресурсы, нормативы деятельности, условия, средства и возможности для работы.

Эти ресурсы так или иначе появились. С одной стороны, за счёт донатов и пожертвований людей, оказавшихся в эмиграции. С другой – Офис стали поддерживать европейские и международные структуры.

Как только у занятой позиции появились соответствующие ресурсы, стало возможным формировать уже полноценный штат Офиса Светланы Тихановской – в значительной степени по заявительному принципу. И практически сразу сам процесс формирования этого штата вызвал критику, сомнения в его качестве и потенциальной работоспособности.

Довольно быстро возникла и альтернативная структура – Национальное антикризисное управление, возглавляемое Павлом Латушко.

На первых порах между двумя структурами существовала определённая конкуренция: кто будет основным представителем интересов Беларуси и кто сможет претендовать на управление теми процессами общественной активности, которые ещё сохранялись в Беларуси в 2020–2021 годах.

Национальное антикризисное управление тоже было обеспечено определёнными ресурсами и получило политическое признание и поддержку в Польше. Но возможности вытеснить Офис Светланы Тихановской с уже занятой позиции у НАУ практически не было – прежде всего, в силу происхождения и статуса самих людей, занимавших эти позиции.

В дальнейшем определённое равновесие между двумя структурами поддерживалось ещё и благодаря их страновой локализации: Офис Светланы Тихановской находился в Литве, Национальное антикризисное управление – в Польше. Поэтому соперничество между ними не обязательно должно было завершаться полной победой одной стороны. Они могли существовать параллельно как разные структуры, деятельность которых так или иначе поддерживалась и учитывалась государствами, на территории которых они находились.

Что касается Координационного совета как потенциально наиболее легитимного кандидата на занятие позиции представительства интересов беларусской эмиграции, то реальная возможность занять эту позицию появилась у него лишь в результате реформ, проведённых во время второго созыва. Были организованы выборы, принят регламент и введены определённые нормативные процедуры формирования самого Координационного совета.

Если бы эти реформы были доведены до конца, именно Координационный совет мог бы стать полномочным представительным органом беларусской диаспоры – или, точнее, беларусской эмиграции, разбросанной сегодня по разным странам мира.

Но такой исход менял бы всю сложившуюся конфигурацию представительства и потому не соответствовал интересам ни Офиса Светланы Тихановской, ни Национального антикризисного управления Павла Латушко.

До определённого момента обе структуры могли не придавать большого значения тому, что происходило внутри Координационного совета и каким образом шли его реформы. Но как только реформирование стало приобретать реальные очертания и Координационный совет получил возможность превратиться в самостоятельный представительный орган, и Офис, и НАУ начали устанавливать над ним свой контроль.

В значительной степени им это удалось совместными усилиями: после создания Объединённого переходного кабинета они получили возможность влиять на Координационный совет и сформировать в нём устойчивое большинство среди делегатов.

***

К 2026 году в беларусском политическом поле эмиграции и диаспор сформировались 4 основных центра, 4 структуры. Это, во-первых, Офис Светланы Тихановской; во-вторых, Национальное антикризисное управление Павла Латушко; в-третьих, созданный ими Объединённый переходный кабинет – своего рода правительство, исполнительный орган; и, наконец, Координационный совет, который в значительной степени контролируется Офисом и НАУ.

Чтобы понять, каким образом складываются отношения между этими 4 центрами, нужно было бы отдельно проанализировать принципы формирования каждой из этих структур. Это прямо не входит в мою нынешнюю задачу, но некоторые вещи здесь всё-таки необходимо зафиксировать.

И Офис Светланы Тихановской, и Национальное антикризисное управление представляют собой достаточно большие структуры с многочисленным составом, значительным объёмом функций и широким кругом задач. Но принцип их формирования фактически один и тот же – найм. Людей нанимают на те или иные позиции, и в конечном счёте штат зависит от главного лица соответствующей структуры.

Поэтому надежды некоторых политических персонажей, претендовавших на политические позиции в 2020 году, на то, что неопытная Светлана Тихановская окажется управляемой фигурой, на которую можно будет влиять и которой можно будет манипулировать, не оправдались уже к концу 2020 года. Светлана Тихановская достаточно быстро стала самостоятельной и влиятельной фигурой. В дальнейшем Офис формировался уже во многом в соответствии с её собственными представлениями и предпочтениями, а люди занимали в нём позиции на основании соответствующих договорённостей и контрактов.

НАУ изначально формировалось лично Павлом Латушко. Поэтому обе эти структуры можно считать лидерскими организациями: их состав, устройство и направления работы в значительной мере определяются представлениями, интересами и решениями их лидеров.

Объединённый переходный кабинет представляет собой уже компромиссную структуру. Его формирование требует согласования интересов, достижения консенсуса или компромисса прежде всего между Офисом и НАУ.

Что же касается Координационного совета, то его состав формируется совсем по другому принципу – через выборы. Но при крайне слабой организации избирательных и предвыборных кампаний этот механизм приобретает в значительной степени популистский характер. Преимущество получают прежде всего те субъекты, которые уже располагают ресурсами.

А наиболее ресурсно обеспеченными субъектами остаются всё те же Офис и НАУ. Поэтому именно они получают возможность в значительной мере определять то, что происходит в Координационном совете: его повестку дня, расстановку сил и принимаемые решения.

***

Соперничество между Офисом Светланы Тихановской и Национальным антикризисным управлением Павла Латушко можно было заметить ещё в конце 2020 года и в 2021-м, пока я оставался на свободе.

Это было видно в том числе через работу Схода, который с большим трудом удалось созвать и который только к весне 2021 года начал какое-то самоопределение и самоорганизацию. Мы пытались наладить взаимодействие между Офисом и НАУ и хотя бы частично снять их соперничество, используя Сход как посредника, как медиаторскую площадку.

Но этот процесс был остановлен практически в самом начале. Мы успели провести только 2 слушания. И уже тогда было достаточно понятно, что процессы эрозии и деградации эмигрантских политических структур запущены и, скорее всего, будут продолжаться.

Поэтому, когда я вышел из тюрьмы в сентябре прошлого года, меня удивило прежде всего то, что эта деградация не зашла настолько далеко, как я ожидал. Удалось сохранить хотя бы видимость политической активности. Более того, сохранились достаточно работоспособные Офис, НАУ, Объединённый переходный кабинет и даже худо-бедно работающий Координационный совет.

Но этот оптимизм продлился недолго.

Главный вопрос, который я пытался для себя решить, анализируя ситуацию, состоял в том, можно ли переломить процессы деградации и каким-то образом переориентировать существующие в эмиграции структуры – от простого выживания и риторического функционирования к развитию, накоплению ресурсов и превращению в полноценного политического субъекта.

С этой целью, собственно, и была задумана организационно-деятельностная Игра.

Однако и подготовка к Игре, и сама Игра, и всё происходившее после неё достаточно убедительно показывают: на сегодняшний день общая стратегия и программа развития не нужны ни одной из четырёх существующих структур.

Что касается организаций и отдельных субъектов, не интегрированных в эти 4 центра, то здесь разворачивается другой, тоже достаточно понятный процесс.

Многие люди, которые боролись за освобождение политзаключённых, занимались их поддержкой, помогали освобождённым и тем, кто вынужден был бежать от режима,

связывали большие надежды с выходом из тюрем людей, обладавших политическим, общественным или символическим капиталом. Ожидалось, что их появление сможет оздоровить существующие структуры, вдохнуть в них новую жизнь.

Эти надежды сопровождали практически каждую крупную волну освобождений.

Так было летом прошлого года, когда вышел Сергей Тихановский. Затем в сентябре, когда одной из наиболее заметных фигур оказался Николай Статкевич. Затем – при освобождении более крупных групп в декабре, сначала вывезенных в Украину, а позже разъехавшихся по Литве, Польше и другим странам. Среди них были Виктор Бабарико, Мария Колесникова и многие другие.

На этих людей возлагались надежды, что они смогут занять ключевые позиции в политических структурах и что с их появлением начнётся какой-то иной процесс: изменение уже существующих организаций, интенсификация борьбы за переустройство и трансформацию Беларуси.

Но прошёл почти год после начала этих волн освобождения – и ничего подобного не произошло.

Не оправдались надежды, связывавшиеся с Сергеем Тихановским. Громкие заявления Вадима Прокопьева, что он с Тихановским «всколыхнут Америку» и существенно повлияют на американскую политику в отношении Беларуси, пока ничем не подтверждаются. Сергей Тихановский постепенно уходит с политической сцены.

Примерно то же можно сказать о Марии Колесниковой, которая, насколько можно судить, всё больше выбирает путь в культуре и музыке и интеграцию в Германии.

Виктор Бабарико ещё до игры демонстрировал определённые политические амбиции, но в последнее время говорит о том, что существующие структуры в нём не нуждаются, а потому он не видит для себя места в этой системе и также отдаляется от непосредственной политической деятельности.

Какие-то политические амбиции сохраняются у Павла Северинца, у Николая Статкевича и нескольких их сторонников. Но и здесь ситуация в значительной степени воспроизводит то положение, которое они занимали в беларусской политической жизни до 2020 года: сравнительно маргинальное и периферийное.

Почему это происходит?

Во-первых, потому что действующие структуры уже обеспечены ресурсами и так или иначе наладили отношения с государственными институтами тех стран, где находятся наиболее крупные беларусские диаспоры, а также с Европейским союзом.

В результате именно эти структуры фактически контролируют основную часть организованной общественной и политической деятельности в эмиграции. Чтобы активно и продуктивно заниматься политикой или общественной деятельностью, необходимо тем или иным образом быть интегрированным в эту систему.

При этом и Офис, и НАУ стремятся привлекать к своей работе перспективных и влиятельных политзаключённых после их освобождения.

Но включение в орбиту этих структур предполагает определённую форму контрактных отношений. А заключив такой контракт, человек встраивается в организационную рамку и ограничивает собственную политическую автономию.

***

Заключив такой контракт, например, с Офисом Светланы Тихановской, человек становится исполнителем с вполне конкретным и, как правило, достаточно узким набором функциональных обязанностей. То есть фактически превращается в бюрократа внутри структуры.

На это люди с лидерскими амбициями далеко не всегда готовы соглашаться. И тогда эти амбиции толкают их к автономной деятельности: к поиску сторонников, попыткам создавать новые структуры, собственные проекты и центры влияния. Но сделать это чрезвычайно трудно.

Эту закономерность хорошо видно не только на примере политических структур. Примерно то же самое происходит, например, с инициативой создания исследовательского беларусского университета имени Астафьева-Воловича.

При наличии ЕГУ и при том, что основные ресурсы, которые потенциально могли бы быть привлечены для нового университета, сегодня доступны прежде всего ЕГУ, практически никто не заинтересован в перераспределении этих ресурсов в пользу какой-то альтернативной структуры.

Поэтому возможность создать другой университет, альтернативный ЕГУ, выглядит крайне малореалистичной. Этим могут заниматься либо романтики, либо наивные энтузиасты. Либо те, кто понимает бесперспективность такого предприятия, но всё же нашёл в нём сферу приложения собственных усилий и продолжает заниматься этим с чувством некоторой унылой обречённости.

В этом смысле ЕГУ можно сравнить с собакой на сене: он занимает определённое место и совершенно не обязан освобождать его для кого-то другого.

Я думаю, что такая позиция вполне закономерна. Она сама по себе не заслуживает ни одобрения, ни осуждения. Так устроен способ существования организационных структур: заняв определённую позицию и получив ресурсы, организация стремится эту позицию сохранять.

С оппозиционными политическими структурами происходит то же самое.

Нет никаких оснований, побудительных мотивов или причин, по которым Офис Светланы Тихановской или НАУ Павла Латушко должны были бы добровольно уступить занимаемые ими позиции кому-то другому.

В принципе, это возможно – но только в условиях реальной конкурентной борьбы и при наличии определённых условий.

***

Печальный вывод из анализа отношений между четырьмя основными центрами политической жизни в эмиграции и множеством не интегрированных с ними структур – НГО, благотворительных фондов, парамилитарных организаций и других инициатив – состоит в том, что **никому из них не нужна общая стратегия**.

И у этого нежелания иметь общую стратегию, искать её и участвовать в её разработке есть вполне объяснимые причины.

Во-первых, если такая стратегия появится, неизбежно встанет вопрос об эффективности её реализации. А это значит, что многим придётся довольно существенно менять привычные способы деятельности и даже привычный модус существования.

Для Офиса Светланы Тихановской это невыгодно по той простой причине, что сама Светлана Тихановская, обладая уникальным символическим капиталом, остаётся незаменимой фигурой в беларусской оппозиции. Ни у кого другого сегодня нет – и в существующих условиях практически не может появиться – сопоставимых оснований для занятия этой позиции.

Без новых выборов, без реальной конкуренции или появления каких-то иных оснований легитимности никто не может всерьёз претендовать на это место. Поэтому Светлана Тихановская, сформированный вокруг неё и удерживаемый ею Офис остаются фактически вне конкуренции.

При этом Национальное антикризисное управление тоже накопило значительный опыт взаимодействия с властями Польши и некоторых других стран и достаточно комфортно чувствует себя в собственной позиции. Формально оно занимает как бы второе место после Офиса, хотя в отдельных ситуациях может обладать значительно большим влиянием.

При сохраняющихся лидерских амбициях Павлу Латушко приходится поддерживать нынешний статус-кво, поскольку любые серьёзные изменения могут не привести к выигрышу, а, наоборот, поставить под угрозу уже занятые позиции.

Таким образом, и Офис, и НАУ объективно заинтересованы в сохранении статус-кво.

Объединённый переходный кабинет и Координационный совет, в свою очередь, практически не берут на себя самостоятельной инициативы и всё больше превращаются в бюрократические структуры, функционирующие в достаточно узких и заранее заданных рамках.

***

Сложившаяся квазиполитическая структура беларусской эмиграции выглядит достаточно стабильной и устойчивой. И пока она существует в нынешнем виде, появление каких-то других политических инициатив или структур, способных изменить сложившийся статус-кво, оказывается чрезвычайно затруднено.

Но одновременно эта квазиполитическая структура всё больше отрывается от жизни всей остальной эмиграции – от больших беларусских диаспор в Польше и Литве и от меньших сообществ, рассеянных по другим странам.

Эмигрантское сообщество живёт в значительной степени своей автономной жизнью. При этом на политические структуры всё же возлагаются определённые надежды, существуют некоторые экспектации: от них ожидают решения многочисленных и сложных проблем, с которыми сталкиваются люди в эмиграции – беженцы, бывшие политзаключённые и другие группы беларусов, оказавшихся за пределами страны. Это и трудности адаптации к новым условиям, и юридические проблемы, и экономические, и проблема утраты или ослабления связей с Беларусью.

Солидарность и взаимопомощь, существующие внутри диаспор, позволяют часть этих проблем решать. Но проблемы эмигрантской жизни существовали и будут существовать всегда. Их много, и значительная часть из них так или иначе была представлена участниками игры.

Различные инициативы, организации и структуры работают с этими проблемами, иногда вполне успешно. Но они, конечно, не способны покрыть весь объём потребностей – юридических, экономических, организационных и других.

Многие организации сами испытывают финансовые трудности. Их преследуют внутренние конфликты, соперничество, конкуренция за ресурсы.

Но всё это укладывается в обычное течение эмигрантской жизни. Здесь нет ничего чрезвычайного. Само по себе это не требует какого-то специального отношения или особой политической интерпретации.

***

Если представленное выше описание структуры политических организаций беларусской эмиграции и сложившегося между ними статус-кво достаточно точно отражает реальную ситуацию, то приходится сделать неутешительный вывод.

В том виде, в каком эти политические структуры существуют сегодня, они не представляют сколько-нибудь существенной угрозы режиму, установившемуся в Беларуси. И в этом смысле они не могут быть ни субъектом, ни инструментом, ни средством борьбы с этим режимом.

Они не становятся субъектом трансформации Беларуси и, более того, всё дальше отдаляются от тех проблем и процессов, которые существуют внутри страны, от самой ситуации в Беларуси.

Из этого следует ещё один, пожалуй, даже более неприятный вывод.

В беларусской эмиграции не пусто политическое пространство вообще. Пустует совершенно определённая позиция – позиция субъекта преобразования Беларуси. Остальные позиции могут быть заняты, институционализированы и даже хорошо обеспечены ресурсами. Проблема не в плохом исполнении правильной функции, а в том, что выполняется другая функция.

***

Политические структуры взаимодействуют с сообществами эмиграции, представляют и выражают интересы эмиграции и диаспор, и это только одна из функций. С другой стороны – они полномочный субъект, с которым могут вступать во взаимодействие правительства стран, в которых находятся беларусские диаспоры, институты и структуры Европейского союза и другие внешние акторы.

Необходимо также различать саму позицию и тех людей, политические партии или структуры, которые эту позицию занимают и выполняют соответствующую функцию.

Заинтересованность в существовании такой позиции есть не только у самой беларусской диаспоры и у тех, кто её занимает. Она есть и у тех, с кем представители беларусской эмиграции взаимодействуют. Для правительств, международных институтов и других внешних партнёров важно, чтобы существовал понятный и доступный контрагент, способный представлять беларусскую эмиграцию. При этом для них зачастую не столь существенно, кто именно выполняет эту функцию. Существенно, чтобы сама функция выполнялась и соответствующая позиция была заполнена.

Для 4 политических структур, о которых я говорил выше, ситуация выглядит иначе. Для них вопрос о том, кто именно занимает эту позицию, имеет гораздо большее, а, возможно, и принципиальное значение.

Одна из главных опасностей, с которыми на протяжении последних 6 лет сталкиваются политические структуры беларусской оппозиции, состоит в углубляющемся разрыве

между политическим уровнем и всей остальной эмиграцией – той массой беларусов, которые были вынуждены покинуть страну и сейчас живут за её пределами.

Чтобы понять, чем объясняется возникновение этого разрыва и почему он продолжает углубляться, необходимо разобраться в самой структуре беларусской эмиграции – в её социальной материи, в её социальном теле.

Представительство и политическая субъектность – не одно и то же. Представительство отвечает прежде всего на вопрос: кого мы представляем и перед кем? Политическая субъектность – на другой вопрос: чего мы хотим добиться и что мы способны сделать для изменения ситуации? Можно достаточно успешно представлять интересы беларусской эмиграции перед правительствами других государств, Европейским союзом и международными организациями, и при этом не быть субъектом трансформации Беларуси.

***

Понятно, что беларусская эмиграция и сложившиеся диаспоры неоднородны. Они формировались из нескольких существенно различных групп людей, покинувших страну после 2020 года.

Первая группа – это непосредственные участники протестных акций, представители политических структур, участвовавших в президентской кампании 2020 года, а также те, кто пытался организовывать протесты, руководить ими, поддерживать протестное движение или оказывать помощь политзаключённым. То есть, прежде всего те люди, которых беларусские власти сегодня квалифицируют как экстремистов, террористов, и против которых в первую очередь направлены репрессии.

Но даже если эта группа достаточно велика, она всё равно составляет только часть беларусской эмиграции.

Очень многие люди уехали по собственной инициативе, не дожидаясь репрессий и даже не обязательно находясь под непосредственной угрозой этих репрессий. Кроме того, в протестах 2020 года участвовало огромное количество людей, которые прежде вообще не интересовались политикой и включились в политические процессы только в тот момент. Вероятно, именно эта группа является наиболее многочисленной.

Наконец, после 2020 года продолжалась и обычная экономическая миграция: люди уезжали по экономическим причинам, в поисках работы, более высокого уровня жизни или просто лучших жизненных перспектив – в соседние и далёкие страны.

Для анализа социальной структуры этой беларусской эмиграции я использую схему трёх миров, которую описывал ещё до 2020 года в тексте «Глобальное потепление после холодной войны».

Первый, второй и третий мир можно обнаружить не только внутри самого беларусского общества. По той же схеме можно рассматривать и беларусскую эмиграцию.

Значительную часть диаспоры составляют люди третьего мира (жизненный мир людей третьего мира локален и ограничен их непосредственным окружением и обстоятельствами, с которыми им приходится считаться). Они непосредственно не участвуют в политике, но так или иначе включены в общественные процессы, протекающие в эмиграции, и сохраняют интерес к тому, что происходит в Беларуси. Именно для них особенно болезненными оказываются проблемы адаптации,

правового статуса, социальной защищённости, трудоустройства, сохранения связей с родиной.

Другая, также очень значительная часть эмиграции – люди первого мира (те, кто обладает достаточными компетенциями, образованием, профессией, социальными и культурными ресурсами для сравнительно лёгкой интеграции в общества тех стран, где они оказались). Они находят достаточно хорошую работу, относительно быстро устраивают свою жизнь и, как правило, не несут слишком больших материальных потерь, легче решают проблемы правового статуса и другие вопросы, связанные с эмиграцией.

В этом смысле их положение существенно отличается от положения людей третьего мира, которым интеграция даётся гораздо тяжелее.

И, наконец, сравнительно небольшую – возможно, очень небольшую – часть составляют люди второго мира (те, для кого государство, нация, Родина составляют ядро системы ценностей, для которых существование вне Родины не имеет смысла). Это те, кто претендует на политическую деятельность в собственном смысле слова: борется за власть, за изменение политического режима в стране, они участвовали в борьбе с режимом до 2020 года, в 2020 году и сохраняет эту установку и интенцию сегодня.

***

Эти три большие группы беларусской эмиграции имеют разные ожидания от политических структур.

Сами политические структуры стараются представлять себя прежде всего как выразителей интересов второго мира. Они говорят о трансформации Беларуси, о борьбе с режимом, о победе над ним. Вся их публичная риторика так или иначе сосредоточена вокруг ценностей, целей и идеалов второго мира.

В книге “Глобальное потепление после холодной войны” я прогнозировал, что перемены и трансформация Беларуси может начаться после навстречности интересов первого и второго миров, когда компетенции, знания и ресурсы людей первого мира будут направлены на реализацию системы ценностей людей второго мира. Но история распорядилась иначе. В 2020 году сошлись интересы первого и третьего мира. Это можно метафорически назвать “союзом Бабарики и Тихановского”, что выразилось в объединении их предвыборных штабов вокруг фигуры Светланы Тихановской. Ещё это можно назвать союзом дворов спальных районов с глобалистами. А национально-ориентированная политическая оппозиция оказалась за бортом начавшейся революции.

Нужно помнить, что в 2020 году те, кто воспринимался лидерами и вдохновителями протестов (беларусской революции), дистанцировались от второго мира. Инициативные группы и штабы Бабарико, Цепкало и Тихановской не сотрудничали со старой оппозицией, политическими партиями, лидерами протестов прошлых лет. Поначалу даже символика второго мира (БЧБ флаги и герб Погоня) не использовалась. Всё изменилось уже после 9 августа и, главным образом, в эмиграции.

Но при этом большая часть беларусской диаспоры состоит из людей первого и третьего миров, которые политикой интересуются в значительно меньшей степени и не принимают непосредственного участия ни в политических процессах, ни в борьбе с

режимом. Их повседневные интересы и проблемы лежат в других областях – социальных, гуманитарных, бытовых, правовых.

Одной из центральных тем всех последних лет стала поддержка политзаключённых: борьба за их освобождение, помощь им во время заключения и особенно поддержка после освобождения, когда людей нередко фактически выбрасывают за пределы страны. В помощи политзаключённым участвуют представители всех трёх миров. Но возможности такого участия распределены неравномерно.

В наибольшей степени ресурсами для помощи располагают люди первого мира. Они, как правило, уже относительно хорошо устроены, интегрированы в общества тех стран, где оказались, обладают профессиональными и социальными ресурсами и сами меньше нуждаются в поддержке.

В наименьшей степени такую помощь способны оказывать люди третьего мира, поскольку именно они испытывают наибольшие трудности с адаптацией и интеграцией в новых условиях. Им часто не хватает необходимых компетенций, их профессии могут быть мало востребованы на местных рынках труда, и поэтому именно эта группа сталкивается с наиболее серьёзными бытовыми, материальными и правовыми проблемами.

Сами политзаключённые, которым уделяется особенно большое внимание со стороны средств массовой информации, политических структур и общественных организаций, тоже не составляют однородной группы. Они так или иначе распределены между этими тремя мирами.

Поэтому и ожидания, требования и претензии, которые люди предъявляют к существующим представительным и политическим структурам, определяются прежде всего теми проблемами, с которыми они сталкиваются в собственной жизни.

***

Три мира – или структура трёх миров, которую я использую для понимания происходящего в беларусской эмиграции, – это, конечно, идеальные типы. Было бы довольно трудно верифицировать каждого конкретного эмигранта и однозначно отнести к одному из этих трёх типов.

Принадлежность к тому или иному миру проявляется иначе: в риторике, в нарративах, в тех местах, ролях и позициях, которые люди занимают в общественных процессах. И вот это уже в достаточной степени поддаётся пониманию, описанию и анализу.

Соответственно, и претензии к политическим структурам, которые предъявляют представители трёх миров, кардинально различаются.

Для представителей второго мира главная претензия состоит в том, что существующие политические структуры ничего не делают – или, точнее, что их действия не приводят к изменению ситуации в Беларуси и никак не влияют на существование и устойчивость беларусского режима. То есть представители второго мира прежде всего фиксируют политическую неэффективность этих структур.

Но сама эта политизированная часть беларусской эмиграции составляет незначительное меньшинство.

В качестве одного из косвенных показателей её численности можно использовать, например, число людей, участвовавших в выборах Координационного совета. Разумеется, число людей второго мира не сводится непосредственно к числу

проголосовавших – их значительно больше. Это могут быть несколько тысяч, десять тысяч или даже десятки тысяч человек.

Но, в любом случае, это остаётся меньшинством по сравнению с гораздо более многочисленными представителями первого и третьего миров.

***

Содержание и смысл претензий второго мира к существующим политическим структурам можно достаточно хорошо отследить по высказываниям их наиболее заметных политических оппонентов.

Есть медийные фигуры, которые много и последовательно говорят об этом, и именно по их выступлениям, интервью и текстам можно реконструировать основной корпус этих претензий. Это, например, Зенон Позняк, Павел Усов, Вадим Прокопьев, а в определённый момент к этой критике присоединился и Сергей Тихановский.

Есть и другие представители этого круга, в том числе люди, которые находятся значительно ближе к существующим политическим структурам или сами в разные периоды принимали участие в их работе. Например, группа Ковалевского, часть «бабариканцев» – Иван Кравцов, Антон Родненков – и многие другие.

Поэтому, если потребуется более точно сформулировать и систематизировать весь корпус претензий второго мира к существующим политическим структурам, необходимо будет обратиться к текстам и публичным высказываниям именно этих спикеров, достаточно широко представленных в средствах массовой информации.

***

Гораздо труднее сформулировать содержание и смысл претензий третьего мира к политическим структурам.

Как правило, это молчаливая социальная группа, которая редко говорит от собственного имени. За неё чаще говорят другие – прежде всего спикеры, претендующие на политические позиции. Поэтому именно здесь особенно много популистских формулировок, намеренно эпатажных высказываний, преувеличений и обвинительной риторики: разоблачений, скандалов, разговоров об интригах, злоупотреблениях и так далее.

Поэтому не следует принимать популистские высказывания медийных персон, которые говорят как будто от имени эмиграции – той её части, которую я называю третьим миром, – за точное отражение реального положения дел.

Сам третий мир неоднороден.

С одной стороны, это люди, которые выросли уже в условиях полурыночной беларусской экономики и привыкли в значительной степени самостоятельно решать собственные проблемы. Они не рассчитывают на то, что политические либо какие-то другие структуры устроят их жизнь. Они могут время от времени обращаться за помощью, но основная установка остаётся прежней: материальные, правовые, бытовые и другие проблемы необходимо по возможности решать самим.

Но существует и другая часть третьего мира – сохранившаяся во многом ещё из советского времени и несущая выраженные патерналистские установки. Здесь ожидания совершенно иные: государственные, политические и общественные структуры воспринимаются как институты, обязанные решать проблемы людей.

Отсюда возникают постоянные требования поддержки, дотаций, трудоустройства, помощи в устройстве жизни и склонность перекладывать ответственность за собственную неустроенность на политические или общественные организации.

Отчасти в эту же группу попадает и определённая часть освобождённых и депортированных политзаключённых, хотя основания здесь уже другие – и не обязательно связаны с сохранением советских патерналистских установок.

Люди, прошедшие через тюрьму и репрессии, оказываются жертвами режима и именно поэтому могут считать, что сообщество, эмиграция и особенно политические и общественные организации теперь находятся перед ними в определённом долгу за перенесённые ими страдания.

Отсюда также может возникать недовольство объёмом и характером оказываемой помощи, особенно в ситуации, когда возможности материальной поддержки постепенно сокращаются.

***

Популистские спикеры и медийные персоны, раздувающие различные скандалы и склонные абсолютизировать локальные проблемы отдельных людей, оказавшихся в трудной ситуации, сами, как правило, претендуют на занятие тех или иных мест в политических структурах. При этом нужно помнить, что в эмиграции трудные жизненные ситуации возникают постоянно и в той или иной форме с ними сталкивается практически каждый.

Поэтому, чтобы действительно понять претензии третьего мира и вообще состояние дел у большинства беларусских эмигрантов, недостаточно анализировать риторику этих спикеров. Необходимо исследовать, как на самом деле живут рядовые мигранты в разных странах – и особенно там, где сформировались достаточно большие беларусские диаспоры и где одновременно возникают те или иные ограничения со стороны общества или государства.

В первую очередь это относится к Литве, Польше, Грузии. В других странах эти проблемы, вероятно, проявляются менее остро.

Значительная часть информации о реальном положении этой части эмиграции сосредоточена не у политических структур, а у общественных организаций – НГО социальной и гуманитарной направленности, организаций, занимающихся сбором и распределением средств, юридической помощью, психологической поддержкой и другими видами помощи людям, оказавшимся в беде или испытывающим различные ограничения.

И здесь нужно отдать должное беларусской эмиграции: таких НГО и общественных структур достаточно много. Многие из них работают на хорошем профессиональном уровне. Поэтому нельзя сказать, что рядовые люди в эмиграции просто оставлены на произвол судьбы. В большинстве случаев необходимую помощь найти можно.

Но для этого необходима встречная инициатива.

Не только НГО, юристы, психологи и другие специалисты должны искать людей, которым нужна помощь. Самим людям тоже важно знать о существовании таких организаций, обращаться к ним и, что немаловажно, понимать их компетенции и назначение.

Профессионализация и специализация этих организаций неизбежно означает, что каждая из них решает определённый круг проблем. Юрист не может решать медицинские или материальные проблемы, психолог – правовые, а организация, занимающаяся социальной помощью, не обязана выполнять политические функции.

Именно недостаток понимания этой специализации, а иногда и низкая политическая грамотность приводят к тому, что известным, публичным и хорошо раскрученным структурам начинают предъявлять совершенно нерелевантные требования.

Это относится, в первую очередь, к политическим организациям.

От Офиса Светланы Тихановской очень часто ожидают решения проблем, которые по своему характеру относятся к компетенции других организаций третьего сектора. То же относится и к остальным трём политическим центрам.

Особенно ярко такая неадекватность ожиданий проявляется в отношении Координационного совета. У него в принципе другое назначение. Он не может и не должен непосредственно решать бытовые, правовые, материальные и множество других частных проблем эмигрантов.

***

Политические структуры и политики – или люди, претендующие на занятие политических позиций, – не могут игнорировать претензии, которые предъявляют им представители второго и третьего миров.

При этом значительная часть эфирного времени, пространства социальных сетей и средств массовой информации заполнена прежде всего претензиями третьего мира. Поэтому политические представители волей-неволей вынуждены на них реагировать: отвечать, объясняться, разбираться в возникающих ситуациях и иногда непосредственно включаться в решение частных, локальных проблем, с которыми сталкивается большая часть эмигрантов.

С другой стороны, этим же политическим фигурам приходится постоянно реагировать на критику и претензии таких же, как они, политических оппонентов – то есть представителей второго мира.

В результате именно этим содержанием в значительной степени и заполняется всё информационное пространство беларусской эмиграции: с одной стороны, частными социальными и бытовыми проблемами, с другой – внутренней политической полемикой, конфликтами, взаимной критикой и борьбой между претендентами на политические позиции.

***

Совсем иначе обстоит дело с ожиданиями и претензиями людей первого мира.

Здесь речь может идти о крупном и среднем беларусском бизнесе в эмиграции, о высококвалифицированных специалистах, учёных, инженерах и других людях, которые успешно адаптировались и уже достаточно глубоко интегрированы в экономику, профессиональные сообщества, а иногда и в структуры управления европейских стран.

Первый мир, как правило, не участвует ни в популистских полемиках, ни во внутренних конфликтах беларусских политиков. Эти люди смотрят прежде всего на эффективность существующих политических и общественных структур.

И в зависимости от того, как они оценивают результаты их работы, они либо вкладываются в неё – материально, организационно, информационно, своими связями и компетенциями, – либо не вкладываются.

И вот здесь, как мне кажется, проявляется ещё одна очень существенная тенденция: с каждым годом участие первого мира в общественной и политической жизни беларусской эмиграции сокращается.

Причина состоит прежде всего в том, что эффективность политической деятельности – а отчасти и общественной, гражданской активности – представители первого мира оценивают всё хуже. Для них результаты этой деятельности выглядят недостаточными, а зачастую просто неудовлетворительными.

***

Моделируя в Игре социальную структуру беларусской эмиграции и диаспор, мы собрали представителей всех трёх миров.

При этом из более чем шестидесяти участников Игры практически все либо непосредственно входили в четыре политические структуры, о которых я говорил выше, либо были с ними так или иначе связаны и ассоциированы.

Игра моделировала не количественные пропорции эмиграции и не репрезентативную выборку, а набор позиций, существенных для поставленной проблемы. Поэтому присутствие представителей трёх миров ещё не означает социологического представительства этих миров. Напротив, связь участников с политическими структурами задаёт систематическое смещение, которое необходимо учитывать при интерпретации результатов.

Поэтому тот эффект навстречности, установившегося контакта между людьми, который после окончания Игры отмечали многие, а возможно, и большинство участников, показывает важную вещь: между представителями этих трёх миров не существует каких-то непреодолимых человеческих барьеров или границ.

Проблема, следовательно, состоит не в невозможности непосредственного общения между людьми, принадлежащими к разным социальным группам. Она связана скорее с организацией коммуникации и взаимодействия между тремя мирами, между различными интересами, потребностями и взаимными ожиданиями этих социальных групп.

Но здесь необходимо провести ещё одно различение.

Нужно различать непосредственную живую коммуникацию между представителями различных социальных групп, то есть между конкретными людьми, и коммуникацию на социальном уровне, то есть взаимодействие между самими тремя мирами как различными социальными образованиями.

При определённых организационных условиях – если собрать представителей разных социальных групп в одном пространстве и дать им достаточно продолжительное время для совместной работы – многие барьеры действительно преодолеваются. Коммуникативные затруднения снимаются, люди начинают слышать друг друга и вступают в нормальное взаимодействие.

Но из этого вовсе не следует, что столь же легко может быть налажена коммуникация между тремя мирами на социальном уровне.

***

Сегодня довольно трудно точно определить численность беларусской эмиграции. Статистика здесь неполна и противоречива, поэтому приходится опираться главным образом на экспертные оценки.

Но в любом случае понятно, что речь идёт о сотнях тысяч людей. При более широких оценках – возможно, о полумиллионе беларусов, оказавшихся сегодня за пределами страны в результате вынужденной или добровольной эмиграции.

На этом фоне собственно политический слой чрезвычайно мал.

Четыре основные политические структуры и люди, непосредственно претендующие на занятие политических позиций, – это всего несколько сотен человек: триста, четыреста, возможно, пятьсот – до тысячи.

Кроме того, вокруг этих структур существует более широкий круг людей, активно взаимодействующих с ними: представители гражданского сектора, активисты, журналисты, эксперты из науки и бизнеса, а также просто люди, интересующиеся политикой и с той или иной степенью активности участвующие в политических мероприятиях.

Это уже несколько тысяч человек – во всяком случае, существенно больше, чем число принявших участие в выборах Координационного совета. Вероятно, речь идёт о десяти тысячах, возможно, о несколько большем числе.

Но в сравнении с общей массой беларусской эмиграции это всё равно сравнительно узкий слой.

При этом внутри этого политического пула представлены люди всех трёх миров.

И здесь возникает принципиальный вопрос: насколько адекватно участники политических процессов представляют себе общественное сознание, установки, проблемы, потребности и ожидания тех сотен тысяч – а возможно, и около полумиллиона – беларусов, которые находятся за пределами страны?

Иными словами, насколько политический слой беларусской эмиграции действительно понимает ту социальную среду, которую он претендует представлять?

***

В своём подходе я различаю **социальное знание** и **знание о социуме**.

Социальным знанием в той или иной степени обладает практически любой человек, адаптированный к социальным условиям собственного существования. Есть сравнительно небольшая часть людей с очень низкой социальной компетентностью, испытывающих постоянные трудности в коммуникации и повседневной жизни. Но подавляющее большинство людей обладает достаточным социальным знанием для того, чтобы ориентироваться среди других людей, понимать правила взаимодействия, строить отношения и устраивать собственную жизнь.

Люди, участвующие в политической и общественной жизни, как правило, обладают достаточно высоким уровнем такого социального знания, они быстрее адаптируются к культурным особенностям страны, в которой оказались. Иначе они просто не могли бы действовать в сложной системе отношений, вступать в коалиции, конкурировать, договариваться, добиваться признания и вообще находить возможность заниматься общественными делами.

Но всё это относится прежде всего к тому сравнительно узкому политизированному слою, о котором я говорил выше, – к нескольким тысячам, возможно, десятку тысяч человек, с той или иной степенью активности включённых в политическую и общественную жизнь.

Большинство же представителей первого и третьего миров в этой жизни непосредственно не участвуют. Поэтому их голос практически не звучит в публичном пространстве (разве что в тикток и тредс).

Разумеется, они тоже обладают социальным знанием и необходимой коммуникативной компетентностью. Именно это позволяет им устраивать свою жизнь, адаптироваться, работать, строить отношения и интегрироваться.

Но из социальной компетентности отдельных людей – в том числе политиков и активистов – невозможно непосредственно получить знание о том, как живёт и что думает всё общество.

Если мы хотим понимать, что делает, чего хочет, чего опасается и что собирается делать эта большая молчаливая часть эмиграции, в какой степени она готова участвовать в тех или иных политических процессах, нам требуется уже другое – **знание о социуме**.

Такое знание не возникает автоматически из повседневного социального опыта. Оно требует исследования.

Необходимо изучать ту часть общества, которая молчит, занята собственной жизнью, профессиональными обязанностями и повседневными проблемами и не считает необходимым участвовать в политических дискуссиях и публичной общественной активности.

Эти люди могут следить за новостями, читать средства массовой информации, слушать экспертов, иметь собственные политические оценки и представления. Но своё мнение, свои установки и свою повседневную жизнь они, как правило, не выставляют в публичное пространство.

Это вовсе не означает, что они что-то скрывают. Просто они не видят необходимости постоянно высказываться и обозначать собственную позицию.

Поэтому для понимания общества недостаточно социальной компетентности и социального знания, которыми обладает каждый отдельный человек, включая политиков и политических активистов.

Необходимо специально производить **знание о социуме** – средствами социологии, статистики, включённого наблюдения и, если угодно, политической интуиции.

***

Получение знания о беларусской эмиграции сегодня становится одной из актуальных задач для организации политической деятельности.

При этом само получение такого знания представляет собой отдельную, самостоятельную задачу. Необходимо специально организовывать исследования – причём, скорее всего, междисциплинарные – того, что представляют собой сегодня диаспоры и вся эмиграция.

Но этим проблема не исчерпывается.

Разрыв между эмиграцией и гораздо большей частью беларусского общества, остающейся внутри страны, с каждым годом увеличивается. А значит, всё более необходимыми становятся специальные, достаточно тонкие и методологически продуманные исследования того общества, которое продолжает жить в Беларуси и к которому эмиграция практически не имеет прямого доступа.

Внутри страны сегодня крайне трудно, почти невозможно проводить полноценные социологические исследования. Ещё труднее непосредственно наблюдать процессы, происходящие в беларусском обществе.

В значительной степени всё, с чем мы можем работать, – это материалы средств массовой информации, отдельные свидетельства, тексты, высказывания и разного рода нарративы. Но сами по себе эти материалы ещё не дают знания о социуме. Они требуют специальной интерпретации и анализа.

Поэтому организация социальных исследований, необходимых для получения знания о социуме – как в эмиграции, так и внутри Беларуси, – предполагает прежде всего правильное и выверенное методологическое отношение к самому процессу исследования: к тому, какими средствами, методами и инструментами это знание вообще может быть получено.

***

Подготовка, организация и проведение организационно-деятельностной игры имеют, среди прочего, и исследовательскую направленность.

С помощью ОДИ можно исследовать состояние общества или отдельных социальных групп и слоёв, которые моделируются и в определённой степени имитируются через отбор участников и построение оргпроекта Игры.

В нашей Игре мы так или иначе стремились смоделировать социальную структуру беларусской эмиграции. Но именно эмиграции. Всё, что касается общества, остающегося внутри страны, под властью беларусского режима, было представлено у нас только экспертным знанием.

Мы получаем это знание через накопление материала, который доходит до нас из Беларуси. Поэтому его качество зависит прежде всего от тех аналитических и герменевтических средств, с помощью которых этот материал обрабатывается, интерпретируется и понимается.

Помимо ОДИ как одного из исследовательских инструментов я на протяжении многих десятилетий занимаюсь аналитикой и выработал собственный инструментарий средств анализа подобных ситуаций. Одним из главных инструментов для меня является анализ нарративов.

В процессе подготовки к Игре я знакомился с материалами исследований Chatham House, с исследованиями Центра новых идей, с материалами Вардомацкого, с другими доступными социологическими данными. Но сами по себе эти данные для меня оказываются сравнительно малоинформативными.

Поэтому я пытался наладить работу прежде всего с исследованиями нарративов – как представленных в средствах массовой информации, так и получаемых непосредственно. Полезными для меня были материалы контент-анализа социальных сетей, интернет-коммуникации и других публичных источников.

Всё это необходимо для получения знания о социуме – как в эмиграции, так и внутри страны.

Но главным здесь является не столько объём собранного материала, сколько способы его интерпретации, трактовки и понимания.

***

В своей аналитической работе и исследованиях я, за неимением лучшего понятия, пользуюсь достаточно широким толкованием термина «нарратив».

Чтобы пояснить, что именно я в него вкладываю, воспользуюсь различением Гинтаутаса Мажейкиса между сценой и ареной общественных процессов.

Ареной будем считать то пространство, где события, действия и поступки людей, социальных и политических акторов и агентов происходят так, как они происходят в действительности. Грубо говоря, это происходящее само по себе, своего рода «вещь в себе». Непосредственному наблюдению арена недоступна. Наблюдаем мы сцену.

То есть мы имеем дело не с происходящим как таковым, не с самими действительными вещами и событиями, а с тем, как они предъявляются, отображаются и выражаются участниками происходящего, самими действующими лицами.

Это вовсе не обязательно пиар. Не обязательно сознательное искажение информации, специальная интерпретация участников или намеренное сокрытие сути происходящего.

Просто любое действие, становясь видимым для других – для наблюдателей, других участников события, для тех, кто испытывает на себе последствия этого действия, – уже оказывается представленным на сцене.

Именно это пространство видимого, предъявленного, интерпретированного и доступного другим Мажейкис называет сценой.

Эту сцену можно рассматривать как большой нарратив, существующий одновременно в разных языках.

Он выражается в обыденном, естественном языке; в профессиональных языках; в языках научных дисциплин; в визуальных образах; в исследовательских описаниях; в правовых интерпретациях и квалификациях тех или иных событий, действий и поступков; в журналистских, политических и других способах описания происходящего.

Таким образом, непосредственно мы располагаем знанием не о социальной реальности как таковой, а о том, что в ней становится наблюдаемым, видимым и выразимым.

И уже по этой видимой картине – по сцене – мы пытаемся судить о самой реальности, то есть об арене.

***

Исследовательский потенциал организационно-деятельностной Игры – её эффективность как средства и метода исследования – состоит в том, что в Игре в определённой форме проигрывается и воспроизводится то, что происходит на арене.

Причём это воспроизведение идёт сразу в двух планах.

Первый план – то, что сами участники стремятся показать и предъявить о своей реальности. Они рассказывают о себе, о своей деятельности, о своих целях, позициях, возможностях, отношениях с другими.

Но существует и второй план – то, что они не могут скрыть из реального положения дел. Иногда потому, что сами плохо различают сцену и арену. Иногда потому, что невозможно на протяжении нескольких дней достаточно профессионально разыгрывать несуществующее, не выдавая того, как всё устроено в действительности.

Так или иначе участники неизбежно переносят в Игру не только собственные представления о своей деятельности, но и реальные способы действия и взаимодействия, которые существуют за пределами Игры.

Поэтому особенно важным для исследования становится сопоставление двух вещей: того, что участники предъявляют и разыгрывают на Игре, – своего рода перформанса, – и того, как они начинают вести себя в моменты, когда Игра разворачивается всерьёз, когда прямо внутри игрового пространства между людьми возникают реальные отношения, реальные конфликты, коалиции, симпатии, антипатии и столкновения интересов.

В такие моменты участники уже не просто изображают определённые роли и позиции. Они начинают действовать.

И именно рассогласование между этим естественным, реальным поведением на Игре и теми ролями, позициями и образами собственной деятельности, которые участники пытались предъявить, стало для меня одной из главных трудностей интерпретации Игры и подведения её итогов.

Меня практически не покидало ощущение, что то, что люди говорят о собственной деятельности и о самих себе, то, какими они представляют себя на сцене, не соответствует тому, что они собой представляют и что реально делают на арене.

Именно это рассогласование я в первых абзацах этого текста назвал словом **«ложь»**.

***

В период подготовки к Игре я не только декларировал главную цель – разработку общей стратегии политических, общественных и гуманитарных процессов, связанных с беларусской эмиграцией, – но и говорил о том, что неучастие в Игре, отказ от участия в ней будет означать проигрыш.

Наверное, мне необходимо пояснить, почему я так настойчиво декларировал почти нереалистичную цель – разработку общей стратегии, уже понимая при этом, что реального заказчика на такую стратегию нет и поэтому она, скорее всего, не может быть разработана.

Дело в том, что Игра предполагает работу по самому большому счёту. Для Игры такого масштаба нельзя ставить только локальные, частные или служебные цели. Необходимо максимально широко обозначить ситуацию, вывести на поверхность все имеющиеся проблемы и уже после постановки и разрешения общих проблем переходить к частным – к разработке отдельных программ, стратегий и проектов действий.

Без принципиальной постановки самой общей проблемы и объявления максимальной цели Игра не приобрела бы того накала и не смогла бы запустить те рабочие процессы,

которые на ней действительно происходили. Поэтому я сознательно создавал завышенные ожидания.

Вторая моя формула – что неучастие в Игре будет означать проигрыш – объясняется проще.

Если продолжать делать то, что не приводит к успеху, не меняет положения дел и общей ситуации, то бессмысленно ожидать появления каких-то новых и иных результатов.

При этом большая часть существующих общественных организаций, демократических инициатив, гуманитарных и политических структур вполне эффективна. Люди, работающие в них, хорошо делают свою работу.

Локально полезная деятельность становится отрицательным фактором не сама по себе, а тогда, когда начинает замещать собой политическое действие в целом. Она поглощает внимание и ресурсы, поддерживает организационную инерцию и позволяет воспроизводить прежний способ работы под видом движения к общей цели.

Кроме того, здесь действует кумулятивный эффект. Накопление изменений и результатов рано или поздно приводит к определённой точке перелома. И тогда то, что первоначально приносило положительный эффект, может сначала превратиться в бессмысленное или просто неэффективное, а затем начать приносить уже отрицательные результаты.

Разрыв между политическими структурами и основной массой эмиграции обозначился достаточно давно. И если годами ничего в этой ситуации не меняется, то этот процесс рано или поздно приведёт к тому, что между политическими верхушками и эмигрантскими массами, между политическими организациями и диаспорами практически не останется никакой содержательной связи.

Для интерпретации этих процессов я пользуюсь категориями естественного (Е) и искусственного (И). Эрозия эмиграции, растворение мигрантов в принимающих обществах, отрыв общин диаспоры от общества из которого они происходят – это естественные процессы, или Е-процессы. Создание эмигрантских организаций, политических структур, планирование их деятельности – это искусственные процессы, или И-процессы, они сами собой не происходят.

Но возможно управление и контроль за естественными процессами – оискуствеление естественного, или ИЕ-процесс, возможно и обратное – пустить искусственные процессы на самотёк, то есть оестествеление искусственного, то есть ЕИ-процесс.

ИЕ-процессы требуют высокого уровня знаний и компетенции. А ЕИ-процессы запускаются сами, когда утрачен контроль и в системе деятельности отсутствуют организация, руководство и управление. Политические структуры нашей эмиграции утратили контроль процессов, которыми живут диаспоры, а эмигрантские сообщества утратили контроль над политическими структурами.

Что тогда ждёт четыре политические структуры, о которых я говорил выше?

Они постепенно превратятся в чисто формальное представительство. Их представительский статус будет декларироваться и, возможно, ритуально признаваться, но вести с ними сколько-нибудь содержательную, прагматическую и конструктивную политическую работу станет невозможно.

Я раньше описывал эту перспективу примерно так: если не изменить образ действий, структуры, сложившиеся вокруг Светланы Тихановской, постепенно могут превратиться в что-то подобное Раде БНР во главе с Ивонкой Сурвилло.

Рада БНР существует уже больше ста лет. Её существование имеет значение как традиция, как элемент исторической и политической культуры, как сохранение определённого наследия прошлого. К этому можно относиться с уважением, это наследие можно и нужно сохранять.

Но оно уже не является инструментом непосредственного политического действия и преобразования ситуации.

Именно такая перспектива, как мне кажется, возникает перед нынешними политическими структурами беларусской эмиграции, если они сохранят прежний способ действия.

***

Сейчас, через 4 месяца после Игры, я готов повторить тот же тезис уже не как предупреждение и не как радикальную форму приглашения к участию в Игре, а как один из выводов из неё. И события, последовавшие после Игры, только укрепляют меня в этой оценке.

Разумеется, сами эти события нельзя считать результатами или достижениями Игры. Речь идёт о другом.

Игра создавала шанс предпринять определённые усилия для изменения деятельности наших основных политических структур – Офиса Светланы Тихановской, НАУ, Объединённого переходного кабинета и Координационного совета.

Но этот шанс не был использован.

Сами структуры как структуры в Игре не участвовали. Среди участников были отдельные люди, включённые в деятельность Офиса, НАУ, Кабинета и Координационного совета. Но они не представляли на Игре официальную, реальную позицию этих организаций и не обладали полномочиями принимать решения от их имени.

Повторить Игру или организовать какое-то новое интенсивное действие, способное радикально изменить ситуацию, уже невозможно.

Это означает, что уже запущенные негативные процессы (Е- и ЕИ-процессы) и те кумулятивные эффекты, о которых я говорил выше, скорее всего, будут сохраняться и усиливаться. И это будет вести к дальнейшей деградации существующей системы беларусской эмиграции.

При этом судьба самих политических структур вызывает у меня гораздо меньше беспокойства.

В изменившейся ситуации всегда могут появиться новые люди, возникнуть новые структуры, новые формы политической организации. Возможно, именно они когда-нибудь окажутся необходимыми и способными занять освободившиеся позиции.

А те структуры, которым суждено постепенно умереть или окончательно превратиться в риторические и формальные образования, пусть проходят этот путь.

Но совсем иначе обстоит дело с беларусской эмиграцией в целом.

Судьба сотен тысяч людей, оказавшихся за пределами страны, сохранение их связей между собой и с Беларусью, их способность оставаться частью беларусского общества – вот то, о чём действительно стоит беспокоиться.

И именно ради этого, а не ради сохранения существующих политических организаций как таковых, необходимо предпринимать какие-то новые действия.

***

На этом обсуждение политической структуры беларусской эмиграции, пожалуй, можно закончить.

Она ещё достаточно долго может существовать в том виде, в котором сложилась сегодня. Но её деятельность и функционирование будут всё больше бюрократизироваться и ритуализироваться.

Эти структуры будут продолжать делать заявления и декларации, их представителей по-прежнему будут принимать на высоком уровне в различных международных инстанциях, будут происходить встречи, мероприятия, публичные события. Но при этом их реальное влияние на жизнь беларусской эмиграции будет стремительно уменьшаться.

Это не только мой вывод и не только вывод из Игры. Чтобы прийти к нему, Игру можно было и не проводить. Игра была попыткой изменить ситуацию, воспользоваться ещё существовавшим шансом.

И самое печальное состоит в том, что всё это, в общем, понимают. Но обсуждение в СМИ и на разного рода конференциях продолжается так, как будто всё ещё может быть иначе.

Причина этой лжи или, точнее, неискренности, состоит, как мне кажется, не в том, что кто-то сознательно пытается кого-то обмануть.

Просто никто не хочет, чтобы положение дел оказалось именно таким.

Всем хочется, чтобы всё было иначе. Чтобы политический уровень беларусской эмиграции действительно сохранял значение. Чтобы политическая деятельность имела смысл и перспективу.

Работать внутри этих структур, постоянно понимая бессмысленность собственной деятельности, практически невозможно. Людям нужен смысл. Людям нужна надежда.

Мы не столько лжём о том, что делаем. Большинство делает именно то, что говорит: помогает, представляет, лоббирует, исследует, поддерживает, ведёт международную коммуникацию. Самообман начинается там, где этим видам деятельности приписывается другой статус и другой масштаб – когда представительство называется политическим руководством, функционирование организаций – борьбой, а совокупность полезных локальных действий – деятельностью по трансформации Беларуси.

И именно поэтому иллюзорное представление о политической ситуации постоянно воспроизводится. Оно становится одним из источников той лжи, которую можно было слышать в том числе и на Игре.

Кроме того, существует ещё один фактор. Есть ряд амбициозных активистов, которые сами стремятся занять позиции и места, находящиеся сегодня в распоряжении четырёх названных структур. Поэтому и они заинтересованы в том, чтобы деятельность этих

структур оставалась в поле общественного внимания – хотя бы в форме постоянной критики, разоблачений и полемики с ними.

На этом я пока заканчиваю разговор о политическом уровне беларусской эмиграции.

Дальше речь пойдёт уже о самих диаспорах и об эмиграции в целом.

***

Миграция людей из страны в страну – обычное явление во всём мире. Но время от времени миграционные волны становятся массовыми. В зависимости от причин, которые их вызывают, они могут оставаться разрозненными: люди эмигрируют индивидуально, семьями, иногда небольшими сообществами. Но массовая миграция приводит к возникновению в отдельных странах уже не просто совокупности эмигрантов, а пусть и негомогенной, но более-менее целостной диаспоры.

Такие диаспоры становятся фактором жизни и деятельности тех стран, в которых они складываются. И сами по себе диаспоры, сохраняющие связи между собой и со страной, которую они покинули, представляют собой явление, с которым приходится считаться и во внутренней политике принимающих стран, и в международной политике, и в экономике.

Беларусская эмиграция до 2020 года по большей части была индивидуальной. Люди уезжали по своим личным причинам и так или иначе индивидуально устраивали свою жизнь в других странах. Были и отдельные волны политической эмиграции – после 2006 года, после 2010 года, то есть после тех эпизодов массовых выступлений, вслед за которыми режим усиливал репрессии и вытеснял людей из страны.

Но эти волны не были настолько массовыми, чтобы беларусская диаспора становилась сколько-нибудь существенным фактором для тех стран, в которых она формировалась.

Даже если говорить об эмиграции после 2005-2006 годов и после 2010-2011 годов, когда появилось значительное число политических беженцев, направлявшихся прежде всего в Польшу, масштаб явления оставался сравнительно ограниченным. В Польше пришлось создавать соответствующие институты, программы и структуры для работы с этой эмиграцией – Беларусский дом, программу Калиновского и другие. Но всё же это не становилось настолько значимым фактором, чтобы требовать какого-то особого политического решения со стороны польского государства.

И сама беларусская диаспора в значительной мере могла обеспечивать собственное существование, защищать свои интересы и удовлетворять основные потребности оказавшихся в Польше беларусов.

После 2020 года всё произошло иначе.

Люди массово бежали от репрессий. Релоцировались компании, особенно после начала войны, не только IT-компании, но и бизнесы самого разного типа. В эмиграции оказались уже не просто отдельные люди, а большие социальные группы, профессиональные сообщества, значительная часть бизнеса.

И поэтому массовая беларусская эмиграция стала явлением, которое объективно требует политического и коммуникативного представительства.

Кроме того, возникает необходимость взаимодействия с международным сообществом, у которого существуют собственные серьёзные проблемы во взаимоотношениях с Беларусью как со страной, ставшей источником этой миграционной волны.

Ну и положение беларусской диаспоры осложняется тем обстоятельством, что после 2022 года началась новая волна миграции из Украины и России. Украинская и российская диаспоры оказались многочисленнее и проблемнее беларусской. Но для общества и правительств принимающих стран все они составляют одну общую проблему.

***

Не считая себя специалистом в изучении миграции и состояния дел в эмиграциях, я тем не менее довольно давно интересовался и беларусской миграцией, и беларусскими диаспорами в разных странах мира, сравнивая их положение с эмигрантскими сообществами других народов – начиная, например, с массовой эмиграции народов бывшей Российской империи после революции.

История различных эмиграций позволяет, как мне кажется, говорить о действии некоторых почти объективных закономерностей, или Е-процессов, в которые попадает практически любое эмигрантское сообщество.

Эмиграция редко сохраняется в том виде, в котором она первоначально возникла. Проходит время, сменяются поколения, и значительная часть мигрантов постепенно растворяется в обществах тех стран, где они оказались. Чаще всего это просто вопрос времени.

Второе поколение ещё может помнить о своих корнях, сохранять связь с прежней родиной и определённое отношение к ней. Но уже третье или четвёртое поколение, как правило, в значительной степени ассимилируется в обществе страны проживания.

Разумеется, существуют разные исключения и различные варианты. Но только тогда, когда Е-процессам противопоставляются И-процессы, или происходит оискусствление, то есть запускаются ИЕ-процессы.

Я вышел из тюрьмы в 2025 году, и обнаружил, что ожидавшиеся мною процессы деградации эмиграции и её ассимиляции не зашли настолько далеко, как я мог предполагать.

Беларусская эмиграция, возникшая после 2020 года, всё ещё сохраняет свои особенности и остаётся некоторым особым социальным явлением. Она заметно отличается и от прежних волн беларусской эмиграции, и от некоторых других мигрантских сообществ, сформировавшихся в последние годы.

Но эти особенности не могут сохраняться сами собой бесконечно. Поэтому состояние беларусской эмиграции необходимо специально изучать и анализировать, если мы хотим говорить о разработке какой-либо политики в отношении эмиграции.

При этом под политикой я здесь имею в виду уже не то, о чём говорил выше применительно к политической борьбе, политическим структурам и их влиянию на режим в Беларуси.

Здесь политика понимается шире – как комплекс отношений, принципов, мер и организованных действий, способных влиять на состояние самой эмиграции. Причём речь идёт не столько о властном воздействии, сколько прежде всего о культурном, коммуникативном и организационном.

Для такой политики необходимо достаточно хорошо знать и понимать, что представляет собой современная беларусская эмиграция.

Необходимо также иметь представление о цели этой политики: что именно мы хотим сохранить, изменить или поддержать; что следует предпринимать в области культуры и коммуникации внутри диаспор; каким образом учитывать те различные тенденции и процессы, которые разворачиваются в странах, где сегодня находится значительная часть беларусов.

Поэтому дальше необходимо разобрать, с одной стороны, естественные процессы и исторические закономерности существования эмиграций, а с другой – возможные цели и принципы той политики, которую вообще можно проводить внутри эмигрантского сообщества.

***

Для начала необходимо понимать, что свобода перемещения и выбора места жительства, относящаяся к фундаментальным правам человека, относится прежде всего к индивидуальному выбору и индивидуальной свободе человека. К явлению массовой миграции эта логика применима уже далеко не в той же степени. Массовая миграция становится политической проблемой, может восприниматься как угроза интересам и безопасности граждан принимающей страны.

Необходимо сформулировать некоторую главную и приоритетную цель работы с эмигрантскими сообществами и диаспорами.

Свои цели в отношении миграции и диаспор ставятся правительствами в каждой стране, где сложились сколь-нибудь многочисленные диаспоры. Собственная политика государств может различаться в отношении всех мигрантов и иметь особенности в отношении к конкретным диаспорам. Действия государств принимающей страны не всегда и не во всём устраивают самих мигрантов. У беларусской эмиграции должны быть свои цели, ценности и своя политика.

В качестве генеральной цели я предлагаю рассматривать **сохранение беларусской эмиграции как ресурса будущих преобразований в Беларуси**.

Эмиграция становится ресурсом не благодаря одной только численности и не благодаря сохранению общего происхождения. Ресурсом являются накопленные людьми компетенции и капитал, профессиональные и международные связи, созданные организации, опыт жизни при других институтах, знания о Беларуси и способность передавать всё это тем, кто будет действовать внутри страны.

Речь идёт об освобождении Беларуси от диктаторского режима и вассальной зависимости от России, о начале демократического процесса и преобразовании Беларуси в европейскую страну.

В этом смысле фактор эмиграции может оказаться чрезвычайно значимым. Вряд ли сегодня можно сделать его решающим. Преобразования Беларуси могут начаться только в самой стране. Но эмиграция способна стать важным вспомогательным, поддерживающим и сопутствующим фактором успешности этих преобразований.

***

Участие эмигрантов в процессах трансформации Беларуси – и просто в помощи тем, кто сегодня остаётся в стране, – может принимать самые разные формы.

Самое простое – материальная помощь родственникам, нуждающимся, людям, подвергающимся репрессиям, освобождённым из мест заключения беларусам. Всё это можно делать, и это делается из-за границы.

Но участие может состоять и в другом: в приобретении квалификации и опыта, в разработке программ и накоплении знаний, которые могут понадобиться Беларуси в период освобождения, избавления от тоталитарного наследия и перехода к нормальному развитию. В будущем это может быть и прямое участие эмигрантов в выборах, в государственном управлении и других процессах преобразования страны.

Работа со всей массой эмигрантов, со всем эмигрантским сообществом не входила непосредственно в задачи Игры и не ставилась в качестве её цели, хотя соответствующие проблемы и аспекты на Игре, конечно, затрагивались.

Тем не менее, уже сейчас можно сформулировать несколько достаточно простых принципов. Они так или иначе звучали в игровых дискуссиях, хотя и не получили там достаточного развития.

Первый принцип: **для того, чтобы эмиграция могла стать ресурсом преобразований Беларуси, когда для этого наступит время, сама эмиграция должна быть успешной**.

Успешной – начиная с каждого отдельного человека и заканчивая структурами и организациями, которые эмигранты способны создавать.

Поэтому быстрая и успешная интеграция беларусов в общества Литвы, Польши и других стран, где они сегодня живут, развитие собственного бизнеса, создание стартапов, приобретение новых квалификаций, профессиональная успешность – от самых простых профессий до научных, предпринимательских и политических карьер – всё это может становиться ресурсом будущей Беларуси и уже сейчас ресурсом помощи тем, кто остаётся внутри страны.

Именно накопление таких ресурсов эмиграции для будущего преобразования и трансформации Беларуси, как мне кажется, сегодня должно выходить на первый план.

Гораздо меньше сил имеет смысл тратить на внутренние политические процессы эмиграции, на борьбу за занятие тех или иных мест и позиций в её нынешнем политическом пространстве, поскольку в сложившейся ситуации эти усилия представляются бесполезными и бесперспективными.

А вот приобретение компетенций и квалификаций, достижение успеха во всех сферах деятельности, взаимная помощь в том, чтобы становиться успешными, – это реальное направление работы для общественных структур, профессиональных объединений, юридических, медицинских, образовательных и других организаций.

Вторая задача – а может быть, и первая, поскольку последовательность здесь не так важна, – **сохранение беларусской идентичности**.

Адаптация и интеграция в принимающие общества вовсе не обязательно должны означать растворение в других этнических и национальных сообществах. Сохранение беларусской идентичности является самостоятельной задачей, которая должна решаться параллельно с накоплением ресурсов для будущей трансформации страны.

Есть и третья задача, возникающая перед эмиграциями из стран с диктаторскими и тоталитарными режимами, особенно там, где общество десятилетиями подвергается репрессиям и идеологическому воздействию. Это **противостояние режиму в информационной и концептуальной сфере**.

Беларусский режим существует уже много десятилетий. При нём выросло несколько поколений беларусов. Самые старшие из тех, кто родился и социализировался при этом режиме, уже достигли возраста личностной и профессиональной зрелости.

Все эти годы режим воздействовал на людей через средства массовой информации, систему образования, государственную идеологию и постоянный идеологический прессинг.

Поэтому ментальность, общественное сознание и установки людей, сформировавшихся при нынешнем режиме, после его окончания никуда автоматически не исчезнут. Они сами могут стать достаточно серьёзным фактором, препятствующим демократизации и трансформации Беларуси.

В этом смысле идеологическое противостояние, или, если говорить жёстче, **консциентальная война**, становится самостоятельной задачей для интеллектуалов белорусской эмиграции.

Под консциентальной войной здесь понимается борьба не только за сообщения и информационную повестку, но за способы, которыми люди описывают действительность, различают допустимое и недопустимое и представляют будущее страны. Её нельзя сводить к контрпропаганде: она требует собственного языка, системы понятий, образовательных программ и публичных образцов мышления.

Помощь в образовании, создании рабочих мест, переквалификации и адаптации могут оказывать общественные организации, а во многих случаях – и институты тех государств, где сегодня существуют беларусские диаспоры.

Но в идеологическом и концептуальном противостоянии с режимом именно беларусская эмиграция способна стать одним из главных субъектов, агентов и деятелей.

Для этого, однако, необходима специальная программа.

Её разработка не входила непосредственно в задачи прошедшей Игры. Значит, этим придётся заниматься уже в постигровой период – с теми группами и альянсами, которые возникли и начали складываться в процессе Игры.

***

То, чем мне и моим коллегам предстоит заниматься, и чем мы будем заниматься, мы называем Культурной политикой. Собственно, я этим занимался с 1994 года. В разные периоды программа Культурной политики реализовалась в опоре на те ресурсы и средства, которые были доступны в каждой из ситуаций, и в тех организационных формах, в которых мы могли работать. Это АГТ первого и второго созывов, консорциум “Евробеларусь”, Национальная платформа ГО ВП, Летучий университет.

Сейчас условия и обстоятельства ситуации коренным образом изменились. Поэтому нужны иная ресурсная база и другие организационные формы. Но и сама программа Культурной политики нуждается в пересмотре и развитии.

ОДИ-2026 дала богатый материал для пересмотра программы, а её конструктивная и прагматичная рефлексия продолжится в тех организационных формах, которые возникли и складываются участниками игры после её окончания.